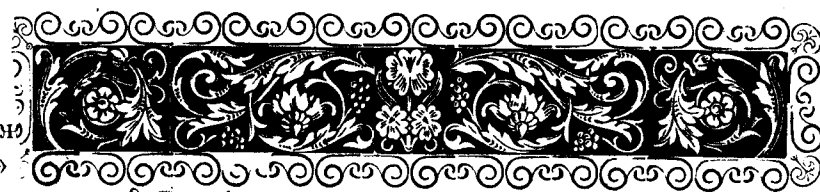

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100.

35
 986
 Ж + 50
 4710

СО
 1.
 оп 3640542
 Первое горе.

Мнѣ было всего
 семь лѣтъ, когда умер-
 ла моя мать. Мы тог-
 да жили въ Одессѣ,
 куда она пріѣхала ле-
 читься, оставивъ отца
 нашего въ Малорос-
 сіи, гдѣ онъ командо-
 валъ баттареей кон-
 ной артиллеріи. Туда
 же, въ Одессу, пріѣ-
 хали изъ Саратова всѣ

наши родные: дѣдушка, бабу-
 шка, двѣ тети,—Катя и Надя,
 которая была всего на три года
 старше моей сестры Лели, и дядя
 нашъ, Ростиславъ, только — что

произведенный въ офицеры, артиллеристъ.

Мое отрочество.

Я очень любила маму, но смерть ее, въ началѣ, меня не огорчила, а только озадачила.. Я никакъ не могла понять, что это такое... Что съ ней случилось?..

Я никогда прежде не видывала умершихъ...

Мнѣ велѣли поцѣловать ее руку. Я поцѣловала, но, помню, съ такимъ чувствомъ, будто цѣлую что-то чужое, постороннее мнѣ, а совсѣмъ не маму. Мнѣ казалось, что моя милая, дорогая мама, надъ которой я такъ часто плакала, зная, что она больна, которая еще вчера меня ласкала, глядя съ такой любовью на всѣхъ насъ троихъ,—куда то ушла, на время, не надолго... Что *это все* пройдетъ, она возвратится, и снова мы будемъ жить по прежнему!.. Я отнюдь не понимала, что *прежнее* — кончилось! Что *нѣтъ* его больше и вновь не бывать, и моей мамы *больше нѣтъ*!..

И слава Богу, что я не сразу поняла это. Я была спокойной и не затрудняла собой бѣдную бабушку, и Антонію *), и тетъ, которыхъ, помню, мнѣ было очень жаль, потому что онѣ такъ горько плакали. Хотя я не совсѣмъ понимала ихъ горе, но видя ихъ слезы, я сама плакала съ ними.. Плакала, а однимъ глазкомъ все же заглядывала съ интересомъ на все, что происходило въ залѣ, гдѣ положили *то*, въ чемъ я никакъ не хотѣла и не могла признать своей матери. Меня занимала суета въ домѣ, множество людей, знакомыхъ, пріѣзжавшихъ къ намъ, священники, служба «точно въ церкви!», какъ я говорила старшей сестрѣ Еленѣ,—пѣніе, свѣчи, цвѣты, примѣрка спѣшно шившихся намъ черныхъ платьевъ,—все это меня

*) Ближайшій другъ моей матери, моя воспитательница, не оставлявшая меня до своей смерти.

развлекало, не давая вникнуть въ настоящій смыслъ происходившаго.

Сознаніе нашей страшной потери, настоящее горе, пришли позже, послѣ похоронъ.

Когда изгладились всѣ одуряющія впечатлѣнія небывалыхъ суеты и шума; когда мы возвратились съ кладбища въ словно опустѣлый домъ; когда, среди тяжелой печали и слезныхъ ласкъ своихъ близкихъ, я оглянулась, словно ожидая чего-то.. когда я тихонько пробралась въ пустую спальню мамы и увидела, что не только нѣтъ ее тамъ, но даже кровать, на которой лежала, она, въ послѣднее время, такъ часто меня ласкала, вынесена—тогда только проявилось сознаніе, что нѣтъ моей мамы! нѣтъ—совсѣмъ, нигдѣ!.. что мы ее тамъ, далеко опустили въ землю и сами ее *зарыли*!—тогда только бросилась я на грудь своей родной «бабочки»—маминой мамы, заливаясь слезами, отчаянно допрашивая всѣхъ: чтожь *это* значитъ? Зачѣмъ мы это сдѣлали?.. Гдѣ моя мамочка?

Вотъ, когда я поняла ихъ слезы, значеніе ихъ великаго горя и затосковала по ней, по моей исчезнувшей, на вѣки потерянной матери!

Долго никакія старанія старшихъ не могли меня на возврати-
?.. Мнѣ го-
ее къ Се-

—Пусть от-
детъ жить!
и! Послѣд-
ва!.. Я такъ
значая, а по

КНИГА ИМЕЕТЪ

| Печатн.
листов | Выпуск | В перепл.
един. соедин.
№№ вып. | Таблиц | Карт | Иллустр. | Служб.
№№ | №№
списка и
порядковый | 1952 г. |
|-------------------|--------|---------------------------------------|--------|------|----------|--------------|------------------------------|---------|
|-------------------|--------|---------------------------------------|--------|------|----------|--------------|------------------------------|---------|

20

386

123

Я очень любила маму, но смерть ее, въ началѣ, меня не огорчила, а только озадачила.. Я никакъ не могла понять, что это такое... Что съ ней случилось?..

Я никогда прежде не видывала умершихъ...

Мнѣ велѣли поцѣловать ее руку. Я поцѣловала, но, помню, съ такимъ чувствомъ, будто цѣлую что-то чужое, постороннее мнѣ, а совсѣмъ не маму. Мнѣ казалось, что моя милая, дорогая мама, надъ которой я такъ часто плакала, зная, что она больна, которая еще вчера меня ласкала, глядя съ такой любовью на всѣхъ насъ троихъ,—куда то ушла, на время, не надолго... Что *это все* пройдетъ, она возвратится, и снова мы будемъ жить по прежнему!.. Я отнюдь не понимала, что *прежнее* — кончилось! Что *нѣтъ* его больше и вновь не бывать, и моей мамы *больше нѣтъ*!..

И слава Богу, что я не сразу поняла это. Я была спокойной и не затрудняла собой бѣдную бабушку, и Антонію *), и тетъ, которыхъ, помню, мнѣ было очень жаль, потому что онѣ такъ горько плакали. Хотя я не совсѣмъ понимала ихъ горе, но видя ихъ слезы, я сама плакала съ ними.. Плакала, а однимъ глазкомъ все же заглядывала съ интересомъ на все, что происходило въ залѣ, гдѣ положили *то*, въ чемъ я никакъ не хотѣла и не могла признать своей матери. Меня занимала с знакомыхъ, пріѣзжавъ ба «точно въ церкви» стрѣ Еленѣ.—пѣніе, шившихся намъ чер

*) Ближайшій другъ оставлявшая меня до свое

развлекало, не давая вникнуть въ настоящій смыслъ происходившаго.

Сознаніе нашей страшной потери, настоящее горе, пришли позже, послѣ похоронъ.

Когда изгладились всѣ одуряющія впечатлѣнія небывалыхъ суеты и шума; когда мы возвратились съ кладбища въ словно опустѣлый домъ; когда, среди тяжелой печали и слезныхъ ласкъ своихъ близкихъ, я оглянулась, словно ожидая чего-то.. когда я тихонько пробралась въ пустую спальню мамы и увидела, что не только нѣтъ ее тамъ, но даже кровать, на которой лежала, она, въ послѣднее время, такъ часто меня ласкала, вынесена—тогда только проявилось сознаніе, что нѣтъ моей мамы! нѣтъ—совсѣмъ, нигдѣ!.. что мы ее тамъ, далеко опустили въ землю и сами ее *зарыли*!—тогда только бросилась я на грудь своей родной «бабочки»—маминой мамы, заливаясь слезами, отчаянно допрашивая всѣхъ: чтожь *это* значитъ? Зачѣмъ мы это сдѣлали?.. Гдѣ моя мамочка?!

Вотъ, когда я поняла ихъ слезы, значеніе ихъ великаго горя и затосковала по ней, по моей исчезнувшей, на вѣки потерянной матери!

Долго никакія старанія старшихъ не могли меня успокоить. Я все хотѣла, чтобъ моя мама возвратилась, и не могла понять, на что она Богу?.. Мнѣ говорили, что «Богъ ее взялъ, — призвалъ ее къ Себѣ...» Но зачѣмъ?!..

— Но зачѣмъ?—отчаянно кричала я.—Пусть отпуститъ ее назадъ! Пусть она съ нами будетъ жить!

Ахъ! Какіе ужасные наступили тутъ дни! Послѣдніе дни въ Одессѣ, гдѣ я была такъ счастлива!.. Я такъ измучилась, скучая по мамѣ, днемъ капризная, а по

ночамъ все пугаясь чего-то; то просыпаясь отъ страшныхъ сновъ, а то отъ слезъ, что вотъ сейчасъ я видѣла маму,—она была тутъ со мною. ласкала, цѣловала меня, а теперь, вотъ, нѣтъ ея опять! опять она ушла,—что наконецъ заболѣла. Сдѣлался у меня жаръ и бредъ, и снова мерещился мнѣ мой сѣрый, высокій монахъ, котораго я съ самаго ранняго дѣтства всегда видала въ болѣзненномъ бреду, и напрасно я гнала его прочь, сердясь и пугаясь его поднятой вверхъ руки...

Антонія знала ужь, что мнѣ всегда грезится во время бреда одинъ и тотъ же «сѣрый человѣкъ», котораго я называла монахомъ; она успокаивала бабушку, проводя съ ней надо мной дни и ночи, и только онѣ вдвоемъ и могли меня успокоить.

Дальнѣйшій путь изъ Одессы въ Саратовъ лучше всякихъ лекарствъ меня вылечилъ и помогъ развлечься.

II.

Въ гостяхъ у калмыковъ.

жъ не помню, какимъ путемъ мы ѣхали, но самое живое воспоминаніе мое объ этой дорогѣ—степи. Безконечныя, песчаныя степи, жаркія, выжженныя іюльскимъ солнцемъ. И онѣ, вѣроятно, не остались бы въ моей памяти, еслибъ не особенное зрѣлище: мы цѣлый день провели въ улусѣ, въ ставкѣ

калмыцкаго князя Тюменя, гдѣ меня поразило много новаго, невиданнаго прежде никогда,—потому и запомнилось живѣе.

Во-первыхъ, въ нашу тяжелую карету вдругъ на одной станціи, вмѣсто лошадей, впрягли верблюдовъ. Пески были такъ глубоки, что колеса въ нихъ тонули по ступицу. Бѣднымъ лошадямъ не подъ силу стало тащить ее и вотъ пришлось впрячь этихъ сильныхъ, громадныхъ горбуновъ. Потасили они насъ шагъ за шагомъ. переваливаясь, неслышно переступая широкими, мягкими ступнями по рыхлому песку; а калмыки-погонщики вмѣсто того, чтобъ сидѣть на козлахъ, бѣжали съ боковъ или вскакивали къ верблюдамъ, на спины и дико вскрикивали подгоняя ихъ.

Я съ сестрой и двухлѣтнимъ братомъ Леонидомъ смотрѣли въ окна кареты и забавлялись этимъ удивительнымъ зрѣлищемъ, пока не стемнѣло и мы не уснули, убаюканные беззвучнымъ колыханьемъ экипажа по безконечнымъ песчанымъ буграмъ.

На другой день, какой-то калмыцкій князь выѣхалъ къ намъ на встрѣчу, кажется, это и былъ самъ Тюмень. Онъ очень просилъ, чтобъ мы остановились въ его улусѣ, — то есть кочевѣ, гдѣ были разбиты его палатки на лѣтніе мѣсяцы, и отдохнули отъ долгаго, утомительнаго пути.

Въ тѣ времена, когда не только желѣзныхъ дорогъ, но даже и простыхъ шоссе нигдѣ почти въ Россіи не бывало, такой путь въ 2.000 верстъ былъ дѣйствительно тяжелъ. Мы ѣхали въ двухъ большихъ экипажахъ, а въ случаѣ дурной погоды, грязи или песковъ, брали еще перекладную, для вещей и людей. Теперь о такихъ путешествіяхъ никто, кромѣ стари-

ковъ, и понятія не можетъ имѣть!.. Всѣ въ особен-ности мы, дѣти, рады были остановкѣ.

Дѣдушка нашъ, А. М. Фадѣевъ прежде нежели назначили его въ Саратовъ губернаторомъ, жилъ въ Астрахани, гдѣ управлялъ кочующими народами, — калмыками и киргизами. Онъ былъ добрый и справедливый человѣкъ, а потому всѣ подчиненные его всегда сохраняли о немъ добрую память и старались ему услужить, чѣмъ могли, когда бы ни приходилось съ нимъ повстрѣчаться. Потому-то калмычій князь и выѣхалъ насъ встрѣтить.

Вотъ въѣхали мы въ улусъ и остановились у большой богатой кибитки, — круглой, островерхой палатки изъ войлока, на жердяхъ и деревянной рѣшеткѣ, внутри обитой и устланной коврами, цыновками и шелковыми тканями. Калмыки въ халатахъ и круглыхъ мѣховыхъ шапкахъ, калмычки. въ пестрыхъ нарядахъ и ихъ полуголые, желтобурые калмычата гурьбами высыпали изъ всѣхъ кибитокъ, и нашу карету окружила цѣлая толпа смуглыхъ, широколищихъ людей, любопытно засматривавшихъ на насъ.

Мы вошли вслѣдъ за княземъ и нѣсколькими, низко кланявшимися намъ и радостно скалившими бѣлые зубы, калмыками въ палатку, и я чуть не ахнула громко отъ удивленія: бѣлая, тонкая скатерть была разостлана безъ стола, прямо на полу, поверхъ ковровъ. На ней были, вмѣсто тарелокъ разставлены пестрыя глубокія чашки, въ родѣ нашихъ полоскательныхъ; а передъ каждой чашкой былъ посланъ еще маленькій коврикъ или же просто пестрый платокъ и только предъ нѣкоторыми лежали подушки. На эти подушки князь Тюмень усадилъ старшихъ, а

мы всѣ размѣстились, какъ пришлось. Мнѣ и ѣсть ничего не хотѣлось. такъ занимало меня все происходившее. Съ одной стороны у меня сѣла Антонія, а съ другой Леля съ Надей! Онѣ тихонько пересмѣивались и перешептывались; я же приставала къ Антоніи, какъ всегда, говоря съ ней по-французски, — она такъ меня приучила, что по-русски къ ней обращаться я рѣшительно не умѣла!

— Послушайте! шептала я ей: — отчего у этихъ людей нѣтъ ни столовъ, ни стульевъ?.. Какъ они могутъ такъ жить?.. А еще такіе богатые! Посмотрите, какіе у нихъ ковры, шали, серебро!.. Зачѣмъ они на полу обѣдаютъ?

— Даже не на полу, а просто на землѣ! — засмѣялась Антонія. — Въ этихъ кибиткахъ половъ не бываетъ.

— Тѣмъ хуже!.. Какъ имъ не стыдно?.. Отчего они себѣ домовъ не построятъ? — негодовала я.

Но Антонія Христіановна меня остановила, обѣщавъ, что послѣ все о нихъ расскажетъ; а теперь посоветовала мнѣ ѣсть отличный куриный супъ, который намъ всѣмъ налили въ чашки. Я было собралась послѣдовать ея совѣту, но вдругъ Леля пригнулась ко мнѣ и зашептала:

